

Чеховъ въ письмахъ.

Письма А. П. Чехова, под редакцией М. П. Чеховой. Томъ IV.

I.

Чеховъ былъ не только прекрасный поэтъ—онъ былъ прекрасный собесѣдникъ. Его письма драгоцѣнны, какъ его рассказы. Ихъ читаешь, не отрываясь.

Эти маленькія, будничныя поэмы изъ жизни Чехова, эти торопливыя, сдержанныя, или изысканно лѣтосписи его дней,—очаровательны.

Въ нихъ вся чеховская нѣжность и интимность, усмѣшка ласковаго скептика, наблюдательный умъ, тихая, цѣломудренная грусть.

Мастерство чеховской переписки могло бы поспорить съ мастерствомъ его художественной прозы.

Чеховъ оживаетъ въ этихъ письмахъ, тщательно собранныхъ любящей рукою; точно видишь за нимъ насмѣшливо-усталыя глаза Антона Павловича...

Последній, IV томъ, изданный теперь, охватываетъ періодъ 1892-1896 годъ, почти цѣликомъ протекшій въ Мелиховѣ, въ имѣніи купленномъ Чеховымъ под Москвою.

Эти письма—не только исторія его хозяйственныхъ и житейскихъ заботъ, но они также драгоцѣнный матеріалъ для портрета Чехова.

Здѣсь точно лабораторія его творчества, милый кладъ чеховскихъ улыбокъ, опечаленныхъ и ясныхъ, какъ небо осени.

Я не хотѣлъ бы быть понятнымъ, шурно, но можетъ быть самое дорогое въ искусствѣ Чехова было само Чеховъ, этотъ ступенный свѣтъ его души, эта хрупкая, застенчивая, волнующая, чеховская стихія.

Въ этомъ смыслѣ, письма прямѣе ведутъ насъ къ цѣли; это автобиографія сердца, написанная исполволь, въ отрывкахъ, безъ расчета на аудиторію, безъ «литературы».

И какъ схватываешь чеховскій стиль, стыдливо-нѣжное, прощическое настроеніе чеховскаго, въ такомъ, напиримъ, отрывкѣ, въ такомъ,—я сказалъ бы,—пріятельскомъ стихотвореніи въ прозѣ*):

— «Меня гоститъ художникъ Левитанъ»

Вчера вечеромъ былъ съ нимъ на тягѣ. Онъ выстрѣлилъ въ вальдшнепа; сей, подстрѣленный въ крыло, упалъ въ лужу. Я поднялъ его: длинный носъ, большіе, черные глаза, и прекрасная одежда. Смотритъ съ удивленіемъ. Что съ нимъ дѣлать? Левитанъ морщится, закрываетъ глаза и проситъ съ дрожью въ голосъ: «Голубчикъ, ударь его головкой по лужу». Я говорю: не могу. Онъ продолжаетъ нервно пожимать плечами, вздрагивать и проситъ. А вальдшнепъ продолжаетъ смотрѣть съ удивленіемъ. Пришлось послушаться Левитана и убить его. Однимъ красивымъ, влюбленнымъ созданіемъ стало меньше, а два дурака вернулись домой и съли ужинать»...

II.

Подстрѣленная на лету птица, въ прекрасной одеждѣ, съ кроткими, удивленными глазами—это самъ Чеховъ, истекающій кровью!

Чеховъ зналъ свою болѣзнь, какъ врачъ онъ не могъ не знать о ней, но какъ стыдлива его тоска обреченнаго, какъ сдержанны его признанія.

* Письмо къ А. С. Суворину, 8 апр. 1892 года.

— «Не хочется сидѣть на одномъ мѣстѣ,—пишетъ онъ Суворину,—Когда вернешься, то какъ то на душѣ покойнѣе»...

— «Я какъ то глупо оравнодушнѣлъ ко всему на свѣтѣ и почему го начало этого оравнодушенія совпало съ поѣздкой за границу. Я всталъ съ постели и ложусь съ такимъ чувствомъ, какъ будто у меня изсякъ интересъ къ жизни».

— «Встанешь, одѣнешься и не знаешь, что дѣлать съ жизнью; день кажется необычайно длиннымъ»...

О неизлѣчимой своей болѣзни Чеховъ говорилъ съ усмѣшкой, тоже какъ будто стыдясь трагичности своего положенія.

— «Кажется, я здоровъ... кашляю»,—пишетъ онъ.

— «Я денка три поплевалъ кровью,—грустно усмѣхается онъ въ письмѣ къ Шехтелю,—а теперь ничего, живу»...

И снова въ письмѣ къ Суворину, онъ говоритъ съ такой полной, сознательной, грустной силой о своей обреченности:

— «Я не брошусь, какъ Гаршинъ, въ пролетъ лѣстницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее. Не я виноватъ въ своей болѣзни и не мнѣ лечить себя, ибо болѣзнь сія, надо полагать, имѣетъ свои скрытыя цѣли и послана не даромъ»...

Да, она имѣла свои «скрытыя цѣли», эта болѣзнь, это медленное умираніе Чехова!

Изъ веселаго, насмѣшливаго Чехонте рождался Чеховъ, чеховская элегія, пѣснь умиранія, тихая, улыбка, скорбная и прощающая!

«Скучная исторія» жизни освѣщалась мягкимъ, закатнымъ трепетомъ «вишневаго сада»...

Свѣтъ угасалъ, уходила жизнь, такая шумная, заманчивая, необъяснимо-прекрасная, и только сла-

бый, элегическій вздохъ летѣлъ ей вслѣдъ:

— «Мисюсъ, гдѣ ты?»...

Кровь на «прекрасной одеждѣ» была жертвенная кровь за красоту прощальныхъ, кроткихъ пѣсень.

«Однимъ красивымъ влюбленнымъ созданіемъ стало меньше»...

Но всѣ мы стали красивѣе и влюбленнѣе...

III.

Горькія признанія были темными тучками на плѣнительномъ небѣ чеховской шутки. Этотъ печальный человекъ умѣлъ смѣяться, какъ никто, и можетъ быть въ смѣхѣ была его защита, его убѣжище отъ жуткой ночи неотвратимаго...

Я боюсь ошибиться, но, кажется, въ чеховской шуткѣ, въ его страсти къ мистификаціи было что то чрезвычайное, что то, намекающее на желаніе уйти, убѣжать, скрыться, забыть...

Онъ подписывается подъ письмами, то «Антонъ Тщѣковъ», то «Царь Мидійскій», «Антонъ Ивановичъ», или «А. Кислота», точно ему доставляетъ удовольствіе въ этихъ комическихъ псевдонимахъ уходить отъ настоящаго имени больного, замученнаго работой Антона Чехова.

И все же какая изобрѣтательность, легкость, неожиданность шутки! Письма къ Л. Мизиновой, къ брату Алѣксандру Павловичу—это какіе то нѣжные водопады искрящихся улыбокъ; ихъ пьешь, какъ радостное вино подлиннаго веселья!

Разсказывая свои злоключенія съ покупкой имѣнія, Чеховъ пишетъ В. А. Тихонову:

— «Покупка моя довела меня до остервенѣнія. Похожъ я на человека, который зашелъ въ трактиръ только за тѣмъ, чтобы съѣсть бутылку съ лукомъ, но, встрѣтивъ, благопріятелей, нализался, натрескался, какъ свинья, и уплатилъ по счету 142 р. 75 к.»

Чеховъ даетъ множество комическихъ описаній своего имѣнія и хозяйства.

Въ письмѣ къ Киселеву онъ характеризуетъ лѣсъ въ своемъ имѣніи:

— «Называютъ его оглоблѣлымъ, по моему же къ нему болѣе подходитъ названіе розговой, — такъ какъ изъ него пока можно изготовлять только розги. Это къ свѣдѣнію гг. педагоговъ и земскихъ начальниковъ».

Денежныя затрудненія А. П. въ этотъ періодъ были очень значительны, призракъ аукціона былъ очень назойливъ, и онъ смѣется въ письмѣ къ Мизиновой.

— «Когда мое имѣніе будетъ продано съ аукціона, я поступлю атлетомъ въ циркъ Соломонскаго». И въ письмѣ къ Н. М. Линтваревой, онъ пишетъ:

— «Когда же аукціонъ, состоится, то я переѣду на жительство въ Нѣжинъ, гдѣ куплю себѣ домъ и буду солить огурчики».

Идиллію своей помѣщичьей жизни, Чеховъ въ письмѣ къ сестрѣ Маріѣ Павловнѣ рисуетъ такъ:

— «Потомъ пили молоко и чай, теперь ждемъ ужина. Вообще ведемъ жизнь отчасти подвижническую, отчасти же свинскую».

И еще изъ письма къ Линтваревой:

— «Лусакъ, извините за выраженіе, ухватилъ бабу Федосью за тлатокъ и поизъ на ней. Кухарка Дарья, находясь въ сильно твердомъ состояніи, повыбрасывала изъ подъ гусынь яйца, такъ, что вылетѣли только три врага».

Поросенокъ кусается и ѣсть въ саду кукурузу. Купили за 6 руб. телушку, которая отъ утра до ночи поетъ густымъ баритонъ. Дарья свирѣпствуетъ».

IV.

Чеховъ боялся фальши, публичныхъ оказательствъ, демонстратив-

ныхъ убѣжденій, которыя онъ называлъ «момпасе».

Но какое нѣжное, чуткое сердце было у этого человека, котораго сколько разъ обвиняли въ сибаритствѣ, въ равнодушіи и лѣни!

Едва ли не треть этого тома писемъ такъ, или иначе связано дѣйственной помощью, которую Чеховъ оказывалъ людямъ.

То онъ мчится на «голодь», — весь переполненный заботой о голодныхъ, и чуть не погибаетъ въ мятель, въ полѣ; то онъ весь отдается борьбѣ съ холерой, бросаетъ литературную работу, ѣздитъ по грязнымъ уѣзднымъ дорогамъ, хлопотеть, строить, просить, изучаетъ, помогаетъ!

Его занимаютъ земскія школы, онъ составляетъ планъ больницы, каталоги, выписываетъ книги для гаганрогской бібліотеки, ищетъ денегъ для изданія «Хирургическаго Обозрѣнія», которое кажется ему культурнымъ и необходимымъ дѣломъ, проситъ за одного, за другого, незамѣтно помогаетъ третьему, скромный мягкій, деликатный!

Чеховъ боялся партійныхъ шоръ, узости, фанатизма, и его дружба съ Гольцевымъ, Чертковымъ, Соболевскимъ, не мѣшала его близости съ Суворинымъ.

Письма къ Суворину—самыя общія, самая содержательныя въ сборникѣ; въ нихъ Чеховъ философствуетъ, размышляетъ, дѣлаетъ больше всего признаній, интересныхъ характеристикъ, этихъ краткихъ, крылатыхъ, чеховскихъ характеристикъ.

Переписка Чехова съ старымъ газетнымъ волкомъ Суворинымъ—литературный документъ интереса необыкновеннаго, и многое проститъ Суворину за его любовь, дружбу и поддержку Чехова, въ которомъ едва ли не первый онъ угадалъ тихое солнце его ласкательнаго таланта.

— «Вы дали мнѣ крылья,—пишетъ ему Чеховъ въ февралѣ 1892 г.—Если бы не новоремесленскій банкъ, то мнѣ отъ натути пришлось бы лопнуть».

— «Ваше мнѣніе для меня—золото»,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ.

Чеховъ любилъ Суворина, его острый, русскій умъ, по онъ не уважалъ и не могъ любить суворинское, суворинскую школу, академическое общественнаго цинизма, «Новое Время».

Среди изданныхъ теперь писемъ, есть многіе, окончательно разрушающіе легенду объ идейной близости Чехова къ «Новому Времени».

— «Нельзя говорить о любви, отхлеставши людей по щекамъ,—пишетъ онъ Суворину по поводу одного его фельетона.—Вообще, кстати говоря, къ вашимъ письмамъ ужасно не идутъ божественныя слова».

И въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ ему:

— «Либеральное вамъ всегда чрезвычайно удается, а когда пытаетесь проводить какія-нибудь консервативныя мысли, или даже употреблять консервативныя выраженія (въ родѣ, «къ подножію трона»), то напоминаете тысячуудовый колоколь, въ которомъ есть трещинка, производящая фальшивый звукъ».

Чеховъ внимательно слѣдилъ за «Новымъ Временемъ».

Онъ пишетъ Суворину:

— «У васъ проскочила одна телеграмма во-истину жестокая. 5 лѣтъ тюремнаго заключенія, лишенія правъ и проч.—это высшая мѣра наказанія, удовлетворяющая даже прокурора, а въ телеграммѣ: «мы находимъ это слишкомъ снисходительнымъ». Силы небесныя, что же нужно? И для кого нужно?»

Чеховъ пишетъ Суворину, свое мнѣніе о Бурешинѣ: «... ме-

лочность въ развѣнчиваніи... холодное и себялюбивое остроуміе... грубость и не деликатность по отношенію къ людямъ... воняетъ отъ критики назойливымъ, придирчивымъ прокуроромъ»...

Въ письмѣ къ брату, А. П. пишетъ въ 93 году:

— «... по убѣжденіямъ своимъ стою за 7375 верстъ отъ Жителъ и Комп. (нововременской). Какъ публицисты они мнѣ просто гадки и я это заявлять тебѣ уже неоднократно».

И это же Чеховъ записываетъ въ своемъ дневникѣ въ 1896 г.

— «... я никогда не отзывался дурно при Суворинѣ о сотрудникахъ «Новаго Времени», хотя большинство изъ нихъ я глубоко не уважаю».

V.

Письма Чехова, кажется, не успѣли цитировать. Многоя хочется взять цѣликомъ, такъ онѣ лаконичны въ своемъ содержаніи, въ своей формѣ.

Бѣлая зарисовка пейзажа; мѣлкія характеристики людей однимъ двумя словами; интимныя литературныя признанія; мысленный коморъ внезапныхъ остротъ — какое огромное богатство ума и таланта, щедро разсыпанное щедрой рукою въ случайныхъ отрывкахъ, въ торопливыхъ письмахъ къ друзьямъ, близкимъ, незнакомымъ!

Точно пожелтѣвшіе листы писемъ любимой перелистываешь, страницы чеховскихъ писемъ. И читаешь ихъ, эти, подчасъ прозаическія страницы чеховскихъ буквъ, какъ изысканныя строки поэтической поэмы.

Ибо въ нихъ вновь оживленной, предстаетъ намъ чудесная легенда чеховской души!

ПЕССИМИСТЪ.